

— Действительно, но нужно подстраховаться еще сильнее. Я наложу на этого амбала сверхмощную печать, ручаюсь, что даже будь он Императором Мин, в два счета ее не взломает.

— Добро, так и сделаем. Вернувшись, я доложу главе клана о твоих заслугах, он тебя щедро вознаградит.

— Благодарю вас, господин правитель, но в награде я не нуждаюсь. В конце концов, найти этих двоих — заслуга господина правителя, а я лишь шел следом для подстраховки. Прошу лишь об одном: замолвите за меня словечко перед главой, чтобы мне позволили повидаться с женой и ребенком.

— Ха-ха, ладно. Раз ты будешь верой и правдой служить главе, он никогда не обидит твою семью.

— Хе-хе, вот и отлично, вот и славно. Парень, это тебе просто не повезло: силенок маловато, иначе бы и не угодил в такой переплет. Забудь обо всем и начни жизнь с чистого листа, надеюсь, тебе встретятся хорошие люди.

— Хватит тратить время, кончайте побыстрее, чтобы возвращаться. Разве ты не хочешь повидать жену и ребенка? К тому же, когда человек умирает, он всё само собой забывает и начинает с чистого листа, а хорошие люди на дороге не валяются.

— Я лишь надеюсь накопить немного благочестивых заслуг, надеюсь, всё пройдет без сучка и задоринки.

— Ишь ты, заслуги ему подавай! Еще набегаяешься почему зря.

— Хе-хе...

Ша Тянь почувствовал, как в его тело вливается какая-то сила, грозя разорвать его изнутри. Тело безвольно забилося в судорогах, воспоминания начали тускнеть, а сознание — затуманиваться. Он пытался удержать ясность мысли, но неумолимо терял ее, пока в самом конце в голове не прозвучало: «Живи стойко, дитя клана Юй. Печать защиты поможет тебе пережить это время, а после начни новую жизнь с чистого листа. Это единственное, что может сделать такой грешник, как я».

После этого память Ша Тяня оборвалась. Придя в себя, он обнаружил, что плывет в воде, а дальше последовало то, о чем уже знал Император Мин.

Закончив рассказ, Ша Тянь умолк. Лишь вздувшиеся на лбу вены выдавали бурю у него в душе. Император Мин тоже погрузился в молчание: этот диалог открыл множество сведений, которые требовалось тщательно проанализировать, но не сейчас. Император Мин сказал Ша Тяню:

— Ша Тянь, точнее, Цзюсинь, сейчас тебе лучше отправиться к дяде Чжэньху и дяде Ханьлуну. Они ведь всё это время искали вас, а теперь, когда наконец появилась весть, им тоже следует обо всем рассказать.

Услышав это, Ша Тянь вновь умолк, не зная, как поступить. Воспоминания вернулись, и та

глубоко затаенная привязанность вспыхнула с новой силой. Чувства, чьего происхождения он прежде не ведал, обрели объяснение и выплеснулись наружу. Вспоминая детские годы и обрывочные слухи, что доходили до него все эти годы против его воли, он ощутил невыносимо острую тоску по близким, и его тело забилося в мелкой дрожи.

Видя состояние старого друга, Император Мин серьезно произнес:

— Если хочешь, я пойду с тобой, как бывало, когда ты повсюду сопровождал меня. Я помогу тебе отыскать младшего брата. За столько лет долг памяти я непременно верну — так, чтобы ты снова оказался у меня в долгу.

Ша Тянь с покрасневшими глазами посмотрел на Чэнь Гуана, крепко сжал губы и молча кивнул. Император Мин опустил руку ему на плечо и мягко произнес:

— Тебе пришлось нелегко, Ша Тянь, мой брат.

Ша Тянь ничего не ответил, лишь крепко сжал кулаки, напряг мышцы лица, а подступавшие к глазам слезы так и не проронили ни капли.

Вскоре Император Мин верхом на лошади выехал вместе с Ша Тянем. Наблюдательные люди заметили это, но, увидев, что они направляются к владениям клана Юй, никто не стал строить лишних догадок. Император Мин ведь частенько навещал клан Юй, порой заглядывая туда всей семьей. А раз нынче он был без жены и детей, никто не заподозрил неладного, посчитав это обычным визитом для беседы — тем более что недавнее появление Бывшего Бога Зверей взбудоражило умы многих.

Земли клана Юй, родовая усадьба. Крепкий мужчина лет пятидесяти с лишним отрешенно смотрел на ряды родовых табличек. Имена сородичей были высечены на камне, и его взгляд замер на трех нижних строчках.

Пока кто-то не подошел со словами:

— Глава, прибыл Император Мин.

Мужчина очнулся, потер глаза и бросил:

— Понятно, ступай.

Он оправил одежды и отправился на встречу с Императором Мин.

В гостевой гостиной Император Мин и Ша Тянь ожидали появления Юй Ханьлуна. Ша Тянь судорожно сжимал колени, на душе у него бушевала буря. Вскоре посмерделись шаги — кто-то приближался.

Вскоре перед ними возникла фигура закаленного в боях воина с седыми волосами. Одного

взгляда на него хватало, чтобы понять: с этим человеком шутки плохи. А кроваво-красные глаза заставляли любого постороннего чувствовать себя так, словно он столкнулся с пожирающим людей свирепым зверем. Это был нынешний глава клана Юй — Юй Ханьлун.

Заметив гостя, Император Мин тепло поприветствовал его, а Юй Ханьлун слегка поклонился в знак уважения.

Затем он заметил стоявшего рядом Ша Тяня и с мягкой улыбкой произвел:

— И Ша Тянь здесь. Помнится, ты редко жалуешь нас визитами, раз уж пришел — давай посидим по душам.

Ша Тянь смотрел на доброжелательное лицо Ханьлуна — этого старшего дядюшку, который так хорошо относился к нему в детстве, — и в памяти невольно всплывали обрывки прошлого, оживая во всех подробностях.

Наконец Ша Тянь не выдержал. Слезы брызнули из глаз, он принялся торопливо стирать их, но они всё не кончались. Ханьлун немного растерялся от такой картины: с чего бы Ша Тяню вдруг так расплакаться? Уж не сделал ли он сам что-то не так? К тому же он впервые видел, чтобы Ша Тянь плакал.

Прежде, когда Ша Тянь страдал от амнезии, Ханьлун пытался помочь ему восстановить личность, но из-за скудости сведений и царившей тогда неразберихи — а многие беглецы и вовсе погибли — разобраться, кем он был, так и не удалось. И все же Ханьлун дорожил Ша Тянем: уцелевших сородичей набралось едва с десятков, а из детей остался лишь Ша Тянь, остальные либо погибли, либо стинули бесследно.

Оставшегося в живых ребенка выжившие члены клана оберегали по мере сил, однако из-за излишне замкнутого характера Ша Тянь вечно пропадал во Дворце Мин при Императоре Мин и редко сближался с родней. И вот теперь этот выросший парень внезапно разрыдался, причем перед человеком, к которому он сам испытывал искреннюю симпатию, отчего Ханьлун растерялся еще больше.

Император Мин вздохнул, возвел барьер вокруг гостевой гостиной, чтобы посторонние не могли ни услышать их, ни войти, гарантируя тайну происходящего, и сказал Ханьлуну:

— Дядя Ханьлун, к Ша Тяню вернулась память. Он вспомнил, кто он такой.

Ханьлун, еще недоумевая, зачем Чэнь Гуан установил полог, услышал его слова и ошарашено переспросил:

— Кто такой Ша Тянь?

Император Мин Чэнь Гуан бросил взгляд на Ша Тяня и тихо произнес:

— Юй Цзюсинь.

Ханьлун бессознательно повторил это имя, не сразу осознав услышанное. Но в следующий миг до него дошло: взгляд его мгновенно исполнился шока, радости и неверия, и он дрожащим голосом спросил:

— Старший сын Чжэньху... Юй Цзюсинь?

Чэнь Гуан кивнул. Получив подтверждение, Ханьлун тут же уставился на Ша Тяня. Увидев его заплаканное лицо, он почувствовал, будто горло перехватило спазмом. Ша Тянь тоже поднял голову, посмотрел на Ханьлуна, смахнул слезы и с улыбкой произнес:

— Дядюшка, я вернулся.

Услышав это, Ханьлун мысленно перенесся на три с лишним десятка лет назад, вспомнив того племянника, который вечно звал его дядюшкой. Глаза его тоже увлажнились. Глядя на Ша Тяня, он промолвил:

— Так ты... Цзюсинь.

Ша Тянь крепко сжал губы и кивнул. Ханьлун тут же шагнул к нему и заключил в крепкие объятия, дрожащим голосом произнося:

— Цзюсинь, знаешь ли ты, как сильно мы с Чжэньху тосковали по тебе все эти годы? Мы не переставали искать вас, даже зная, что вы, скорее всего, мертвы, мы не хотели сдаваться. Особенно Чжэньху — все эти годы он винил себя за то, что тогда не уберег вас.

Ощущая крепкие объятия старшего дядюшки и слушая его взволнованный, дрожащий голос, Ша Тянь тоже обнял его и сквозь непрекращающиеся слезы заговорил:

— Прости меня, дядюшка, что я не вспомнил обо всем раньше. Прости меня, и прости отца...

Ханьлун похлопывал его по спине, утешая:

— Не вини себя, это дядюшка не узнал тебя. Мы ведь столько времени были знакомы, столько раз виделись, а я так и не признал тебя — это моя вина.

Чэнь Гуан смотрел на воссоединение дяди и племянника, и его собственные глаза тоже заволокло влагой. Он вспомнил самые тяжелые времена своей жизни и втайне поклялся во что бы то ни стало во всем разобраться и исправить это ради своего верного друга.

Спустя долгое время дядя и племянник наконец разомкнули объятия. Ханьлун взял Ша Тяня за руку и произнес:

— Цзюсинь, расскажи дядюшке обо всем, что случилось. Сейчас я так хочу узнать, с чем ты тогда столкнулся... И еще: Чумань ведь был с тобой, где он?

Чумань — так звали младшего брата Ша Тяня. При этом имени в памяти Ша Тяня всплыл тот самый малыш, что когда-то жмет к нему и по-детски зовет старшим братом. Эмоции захлестнули его с новой силой.

Видя состояние Ша Тяня, Ханьлун дурно предчувствовал происходящее. Чэнь Гуан взял объяснения на себя: Ша Тянь и без того пережил тяжелейшее потрясение, и повторный рассказ лишь сильнее растравил бы его рану.

Чэнь Гуан начал рассказывать за него, а Ханьлун внимательно слушал. Чем дальше он слушал, тем мрачнее становилось его лицо — подлокотники стула под его пальцами превратились в щепки. Ша Тянь молчал, слегка подрагивая всем телом, и Ханьлун, заметив это, мягко обнял его за плечи.

Наконец Чэнь Гуан закончил. Нахмутив брови, Ханьлун вдруг со злости ударил ладонью по столу, и тот разлетелся в мелкую щепу.

Чэнь Гуан поспешно предостерег:

— Дядя Ханьлун, остынь, умоляю, не позволяй гневу затмить разум!

Ханьлун шумно задышал, но совладать с кипящей внутри яростью было трудно. Его собственная дочь и племянник были похищены, из-за чего семьи были разлучены целых двадцать лет, обрекая близких на муки разлуки, а стоило ценой невероятных усилий узнать, что они живы, как след снова терялся.

Порой закрадывались безумные мысли: а вдруг их уже нет в живых? Как ни хотелось гнать от себя эту мысль, она пустила глубокие корни в сердце, с каждым годом порождая все больший страх.

Ша Тянь понимал чувства дядюшки: отцу переносить подобное было во многом тяжелее. Старшая невестка из-за этого хворала годами, тоска подорвала ее здоровье, и на плечах Ханьлуна лежало непосильное бремя.

Обняв Ханьлуна, Ша Тянь твердо произнес:

— Дядюшка, мы найдем и брата, и сестру, а те, кто стоит за кулисами, заплатят по счетам!

Ханьлун подавил бушующее в груди пламя и постарался заговорить как можно спокойнее:

— Не переживай, твой дядюшка не из тех, кого так легко сломить.

Чэнь Гуан облегченно выдохнул: он боялся, что в порыве гнева Ханьлун спугнет врагов. К счастью, рассудительность не изменила дяде Ханьлуну.

Чэнь Гуан предложил:

— Нужно вернуть дядю Чжэньху. В конце концов, Ша Тяню наверняка хочется повидаться с отцом, да и дядя Чжэньху должен обо всем знать.

Ханьлун кивнул, извлек Нефритовый Талисман и бросил в него:

— Чжэньху, немедленно возвращайся, есть разговор первостепенной важности!

Где-то в Царстве Мин человек, поразительно похожий внешне на Ханьлуна, внезапно остановился. Кожа у него была еще темнее и грубее, чем у Ханьлуна, а в глазах залегла неразгладимая печаль. В глубоких синих глазах промелькнуло недоумение, когда он достал Нефритовый Талисман и услышал слова Ханьлуна.

Не до конца понимая причину, он тем не менее достал пространственный свиток. Для Чжэньху столь суровый тон Ханьлуна означал, что стряслось нечто крайне важное, требующее его незамедлительного возвращения. Все эти годы он пропадал на чужбине, оставляя все заботы о клане на плечах Ханьлуна, и в душе его всегда жило чувство вины.

Теперь же, когда брат звал его назад, Чжэньху не стал возражать и активировал пространственный свиток, чтобы перенестись в родные земли.

В мгновение ока Чжэньху оказался дома. Свиток был связан с тем, что находился у Ханьлуна, а потому перенес его прямо к брату.

Зрение прояснилось, и перед ним предстали трое мужчин. Не успел Чжэньху и слова вымолвить, как Ша Тянь опустился перед ним на колени. Чжэньху растерялся от такой сцены, да и Ханьлун, хоть и ожидал этого, едва не лишился дача речи, но вовремя поведал обо всем.

Лишь плач нарушал тишину. Чжэньху крепко прижал сына к груди, слезы непрерывным потоком катились из его глаз, а губы беззвучно шептали: Прости... Ша Тянь тоже по-настоящему зарыдал. До этого он не проронил ни слезинки, лишь тихо плакал, но при виде отца сдерживать чувства больше было невозможно. Ханьлун, глядя на них, тихо обнял обоих.

Это было все, что могли сделать старший брат и дядюшка.

Чэнь Гуан наблюдал за ними. Сколько же разлук и боли выпало на долю этой семьи! Он поклялся себе воздать сторицей за все пережитые испытания: Юй и Мин всегда были единым целым, а не инструментом для одностороннего грабежа.

К сумеркам буря эмоций в их душах наконец улеглась, но покрасневшие глаза выдавали все, что им пришлось пережить. Чжэньху сидел вплотную к Ша Тяню, обнимая его одной рукой и сжав другую в своей ладони; Ханьлун сидел по другую руку от Чжэньху, а Чэнь Гуан — рядом с Ша Тянем.

Чэнь Гуан заговорил:

— Нам нужно всё как следует обсудить, но сейчас уже слишком поздно, мне пора возвращаться, иначе появятся подозрения. Ша Тянь, оставайся здесь, побудь с дядей Чжэньху.

Ша Тянь посмотрел на Чэнь Гуана, потом на отца. Они ведь только-только воссоединились, и ему так не хотелось расставаться, но...

Внутри Ша Тяня шла борьба мотивов, однако Чжэньху высвободил руку и произнес:

— Цзю... то есть, Ша Тянь, возвращайся с Чэнь Гуаном. Вы пришли вместе, оставаться здесь нельзя.

Чэнь Гуан растерянно посмотрел на Чжэньху. Тот прекрасно понимал, что Чэнь Гуан хочет дать им побусть вместе подольше, и сам бы с радостью не расставался с сыном, но обстоятельства требовали иного — в тени таились враги, и нельзя было допустить оплошности.

Твердым голосом Чжэньху произнес:

— Ступайте. Пока не будут устранены скрытые угрозы, Ша Тяню нельзя выдавать себя ни единым знаком. Ради твоих брата и сестры.

Взглянув в глаза отца, Ша Тянь кивнул:

— Понимаю, отец. Все ради того, чтобы вернуть брата и сестру.

Чэнь Гуан и Ша Тянь тронулись в путь, а Ханьлун проводил их до самых ворот. Чжэньху спрятался внутри и не показывался на глаза: его внезапное возвращение могло вызвать ненужные подозрения.

Проводив взглядом удаляющуюся пару до тех пор, пока они не скрылись из виду, Ханьлун с бесстрастным лицом вернулся в усадьбу. Увидев в зале Чжэньху, он легонько хлопнул его по плечу. Тот справился с выражением лица и вымолвил:

— Не беспокойся, старший брат, со мной все в порядке. Я счастлив, как никогда в жизни. Нет ничего лучше возвращения детей.

Ханьлун виновато произнес:

— Тебе пришлось столько лет скитаться вдали от дома, а я, будучи старшим братом, не смог разделить твою ношу.

Чжэньху посмотрел на брата:

— Пустое. Твоя ноша куда тяжелее моей. К тому же правду все еще приходится скрывать от невестки, на тебе лежит куда больший груз.

Ханьлун молча крепко обнял брата, сильно хлопнув по спине:

— Отдыхай. Завтра у нас появится масса хлопот.

С этими словами он развернулся и ушел. Чжэньху молча глядел на родовые таблички, горько улыбаясь и беззвучно рыдая — лишь плечи его содрагались в безмолвной муке.

Во Дворце Мин Чэнь Гуан говорил Ша Тяню:

— Ты отправлялся на поиски Бывшего Бога Зверей с Шаньэр втайне. Спустя какое-то время отправляйся с ним снова, заодно расспроси о печатях — даже самая крупница сведений может иметь решающее значение.

Ша Тянь кивнул:

— Без проблем. Более того, теперь, размышляя об этом хладнокровно, я понимаю, что наложивший на меня печать человек невероятно силен. Скорее всего, печать на Янь Шане — тоже его рук дело, хоть этот чудака и ведет себя странно.

Чэнь Гуан разделил его мысли: поведение этого человека и вправду выглядело чудным, следовало изучить это дело как следует.

Ша Тянь добавил:

— Тот, кто способен снимать подобные печати, явно непрост. Раз силой он еще не дотянул до Хуаня Юаня, но уже умеет их срывать, значит, за ним стоят великие тайны.

Поразмыслив немного, Чэнь Гуан изрек:

— Тайны меня не волнуют. Куда больше меня интересует его учитель — тот, кто его всему научил. Этот наставник без сомнения могущественен.

Ша Тянь согласился:

— Верно, он не может быть заурядным человеком, но личность его окутана тайной. Иначе можно было бы позвать его на помощь против того странного типа: разбираться с печатями должны профессионалы.

Чэнь Гуан в раздумьях шагал взад и вперед по залу:

— Ша Тянь, опиши-ка мне, как этот парень по имени По отзывался о своем учителе.

Ша Тянь припомнил слова По и повторил их. Император Мин слушал, размышляя над сказанным, пока в его голове не возникло имя человека, чьей мощи было бы достаточно.

По лицу Чэнь Гуана Ша Тянь понял, что у того появился ответ, и поспешил спросить.

Чэнь Гуан счел эту догадку невероятной, но вместе с тем звучавшей правдоподобно:

— Давай проанализируем.

Во-первых, судя по твоим словам, этому По на вид должно быть по меньшей мере за двести лет. Логично предположить, что его учитель старше, ведь обычно никто не берется обучать того, кто старше или сильнее тебя самого.

Ша Тянь согласно кивнул: как правило, более пожилые практики обладают большей силой и берут в ученики тех, кто моложе и слабее, хотя бывают и исключения, но редко.

Император Мин продолжил:

— Исходя из этого, его наставник принадлежит к Расе Зверей. Пусть точный род неизвестен, но мы можем исключить зверей моложе двух веков. К тому же среди зверей моложе двухсот лет никто не славится искусством печатей, так что с наибольшей вероятностью он в возрасте.

Ша Тянь согласился и с этим. Среди молодых поколений Расы Зверей попадались сильные бойцы, но в силу упора на передачу качеств по крови таланты обычно привязывались к конкретному роду, а сродство к печатям встречалось лишь у пары редчайших видов, да и то в виде исключений, о которых не ходило никаких слухов.

Император Мин знал об этом и развил мысль:

— Если отбросить тех, кому недостает силы, кто не специализируется на печатях или уже мертв, у нас остается ровно три подходящих кандидата.

Ша Тянь поинтересовался:

— Кто же они?

Император Мин пояснил:

— Первый — Безликий Дух-Кот. Представительницы этого рода способны рождаться с даром печатей, и одна из трех упомянутых тобой особ как раз оттуда, но она женщина, а пол не совпадает.

Второй — из рода Древних Диких Черепах, но они по природе своей ленивы, не любят двигаться и безвылазно сидят в Горном хребте Божественных Зверей, почти не покидая его. Представитель этого рода среди троицы — глубокий старец, но он лыс, что не вяжется с приметой о седых волосах.

И после всех исключений остается единственный вероятный кандидат.

Ша Тянь не удержался от вопроса:

— Кто?

Император Мин взглянул на него и со вздохом произнес:

— Чем ты занимался последние дни? Как сам-то не догадался?

Ша Тянь тут же сообразил:

— Ты говоришь о Бывшем Боге Зверей?

Император Мин кивнул:

— Это единственный вариант. Последний из троих — Бывшем Боге Зверей.

Ша Тянь неуверенно протянул:

— Неужели это он?

Потирая подбородок, Император Мин рассуждал:

— Но Бывшему Богу Зверей и впрямь подходит. Ему за двести лет, сила его чудовищна, в печатях он мастер, мужчина. Ходят слухи, что из-за неких обстоятельств его волосы поседели, к тому же поговаривают, что он носит длинные волосы. Все условия соблюдены.

Ша Тянь все еще сомневался:

— Однако это не железное доказательство того, что речь именно о нем. Вполне возможно, это какой-то отшельник, скрывающийся от мира.

На это Император Мин возразил:

— Я думал и о таком исходе. Но разве тот самый По не говорил, что его учитель находится в Области Грома? А Бывший Бог Зверей как раз пару дней назад объявился в Области Грома, пусть и на окраине.

Ша Тянь заметил:

— Но это могло быть простым совпадением.

Император Мин парировал:

— Но ты сам упомянул: когда ты сказал По, что ищешь Бывшего Бога Зверей, лицо у него сделалось странным, неестественным. Если Бывший Бог Зверей и вправду его учитель, вполне естественно выглядеть озадаченным, когда у тебя на глазах ищут твоего наставника. К тому

же, если он давно вычислил личность учителя, его отправка в тот самый город с появлением Бывшего Бога Зверей выглядит вполне закономерной — человек просто шел на встречу с наставником.

<http://bllate.org/book/21203/2146318>